

A woman with long brown hair is lying on her back in a field of tall green grass. She is wearing a pearl necklace and pearl earrings. Her eyes are closed, and she has a serene expression. The text is overlaid on the image in a bold, white, sans-serif font.

**галина
губайдуллина**

**властелин
нормандии**

18+

Галина Ивановна Губайдуллина

Властелин Нормандии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54166018

SelfPub; 2020

Аннотация

Феодалы ведут войны не только между собой, но и захватывают земли и сокровища церквей. Простых крестьян не считают за людей. Граф Роберт де Эслуа, брат герцога Нормандии, по кличке «Дьявол», который не привык спрашивать согласия на секс у простолюдинок, вдруг влюбляется в прачку Гарлеву. Любовь к девушке из низшего сословия, как наказание за злодеяния и преступления. Сможет ли любовь изменить убийцу и насильника графа Роберта де Эслуа? Или сердце девушки выберет другого?

1.017год от рождества Христова. Раздробленные франкские земли на феодалы дворян и церкви.

Герцогство Нормандия. На смотровой башне донжона в Фалезе, греясь у костра в этот прохладный, сентябрьский вечер, сидит граф Роберт де Эслуа, по прозвищу Дьявол, хотя более лояльные близкие друзья называют его Роберт Великолепный, и это прозвище было не раболепным заискиванием, а соответствовало действительности.

Ростом он был, увы, пониже, чем его знаменитый предок, основатель рода – Конунг Рольф Рогвальдсон Пешеход. Кстати, прадеда тоже народ «любил» и тоже заслуженно величал Рольф-Дьявол. Этот король викингов получил прозвище «Пешеход» потому, что воевал без коня, ведь сидя даже на самом высоком жеребце, ноги Рольфа доставали земли. Славный предок был тот ещё задавака и нахал: давая вассальную присягу королю Франции Карлу Простоватому из рода Каролингов, Рольф по обычаю должен был поцеловать ногу сюзерена. Но Рольф кланяться не стал, он поднял ногу короля до своей груди, и слегка прикоснулся, при этом Карл сначала смешно упал, затем болтался в воздухе под смех викингов. Но так как эти рыжие пираты поставили свои жёсткие условия, захватив изрядное количество городов, король стерпел оскорбление-«шутку», и был рад отдать только земли Северной Галлии – Нейстрию, которая теперь стала именоваться Нормандией. Герцог Рольф Нормандский в шестьдесят лет принял христианство, чтоб жениться на дочери

французского короля Гизелле, и стал именоваться Робертом, в его честь и назвали правнука.

Сильный, высокий и обаятельный Роберт де Эслуа вызывал симпатии с первого взгляда, люди наслаждались, любясь каждым его движением, жестом, улыбкой. Черты лица он позаимствовал у Капетов: тёмные волосы, крупный нос, выразительные губы, только глаза цвета спокойного моря говорили о крови скандинавов.

Граф смотрел на испускающую сияние спутницу Земли.

Серебристая луна, с переливом огней на ней, покорила небосвод и гордо смотрела вокруг, полная и роскошная царица земной видимости. Мерцают разбросанные повсюду разноцветные отблески огненных звёзд, красотою маня, вселяя удивление и упоение вселяя в землян, вызывая восхищение от ощущения глубины могущей Вселенной.

Идеальные формы всегда притягивали графа. Он подолгу не мог оторвать глаз от красивых вещей. Роберт часами мог любоваться природой, иногда мог вертеть в руках сочный фрукт, прежде чем решался откусить от него, новые детали интерьера или одежды встречал с радостью ребёнка, но больше всего его привлекал и притягивал блеск боевого оружия и свет ночных светил.

По лестнице на донжон поднялся маркиз Анжельжер де Мовбрей, от тяжёлых шагов его пухлые щёки тряслись.

Этот гордый здоровяк, чей девиз: «Лучше сломаться, чем склониться», почитал и уважал сеньора, недавно родивше-

гося сына назвал в его честь Робертом.

Он официально доложил:

–Ваше Сиятельство, Контевиль, наконец, прислал своего сына для прохождения службы.

–И где этот отлыниватель от священных обязанностей?

–Я здесь,– раздался голос из темноты.

К костру вышел новоприбывший. Граф с восхищением возрился на изящные линии лица нового оруженосца. Парень среднего роста, римская кровь проявлялась в нём в форме носа с лёгкой горбинкой и смуглой кожей. В чёрных глазах юноши ещё детская наивность. Лицо пока не оттеняет пушок, не говоря уж и о бороде, кои носили все друзья графа.

–Меня зовут Эрлюин де Контевиль, и я к Вашим услугам, господин.

–Твой отец долго испытывал моё терпение,– упрекнул его Роберт,– Он сразу присылал младших сыновей, когда те достигали подходящего возраста, чтоб служить пажами, тогда как ты сидел дома, якобы всё время болел, а на вид – крепкий парень. До меня дошли слухи, что твой набожный папаша боялся испортить твою душу в моей плохой компании.

Юный Контевиль, насупившись, молчал.

–Сколько тебе лет?

–Шестнадцать, Ваше Сиятельство.

–Вот. А в оруженосцы идут с четырнадцати. Ты будишь лишних два года отбывать воинскую повинность в моём от-

ряде.

–Как прикажете, сюзерен.

–Запомни, хлюпик, я не выношу жалоб и слёз, моё любимое занятие – это нажива с помощью убийств в честном бою. Завтра выступаем в дальний поход, надо отдать должок монастырю Сен-Дени, так что иди, спи, малыш.

Эрлюин хотел возразить, что он не малолетка, а вассал, и что графу самому ещё только двадцать лет, и что сеньору де Эслуа прибавляет несколько лет маленькая бородка, но будущий оруженосец благоразумно вспомнил наставления отца: «Молчание – золото».

Среди ухоженных и начинающих увядать к зиме плодовых и ореховых деревьев, которые граф распорядился сажать рощами, чернела грязная и старая солома крестьянских хижин, прогнивших от дождей, огороженных обглоданной козами оградой из прутьев. Между соломенных крыш редко проглядывали деревянные постройки зажиточных жителей с более обширным огородом. В отдалении стоял каменный дом управителя деревни, без огорода, но с аккуратным садиком и цветником.

В одном из добротных, деревянных домов жила семья Шаррон. Про Шарронов говорили, что их прабабка путалась с римским легионером, доказательством греха служила восточная смуглость последних поколений. Главе семейства Урсольду, симпатичному брюнету с небольшими чёр-

ными глазами, шёл сорок восьмой год. Жене Доде нравилась его родинка у левого глаза, а шрам на правой щеке стал давно милой отметиной родного человека. Дода гораздо моложе мужа, ей тридцать три года, но её широкое лицо выражало вечную усталость, щёки нависали над двойным подбородком, а блёклые волосы норманнов цвета соломы свисали из под платка жидкими сосульками. Бесцветные брови делали лицо тусклым и невыразительным. Приятно выделялись красиво очерченные, яркие губы, небольшой нос да васильковый цвет глаз.

Радостью Шарронам служили дети. Весельчаку Люсьену шестнадцать лет, он очень похож на отца. Простодушный Иохим тоже тёмноволосый, но крупные черты лица перенял у отца Доды, этот мальчишка рос богатырём, в свои четырнадцать лет помогал дровосекам наравне со взрослыми. Богобоязненная, но в то же время завистливая Вульфгунда с широкими скулами, как у матери, но чернявая и узкоглазая, как отец. Ей исполнилось одиннадцать. Любимица отца – строптивая болтушка семилетняя Гарлева; оба рода смешались, и получилось прелестное личико с пухлыми губами, с каштановыми волосами, чёрными, изогнутыми бровями под которыми горели удивительной синевы глаза. А младший, годовалый замарашка Арно, белёсый и синеглазый, не слезил с рук матери. Только для него у матери находились самые ласковые слова.

Вот и сегодня вечером после ужина, при свете масляных

ламп, семья занялась обычными развлечениями. Мать пряла из козьей шерсти толстую нить, Арно вертелся у неё на коленях. Отец шил из кожи сапоги для Гарлевы. Дети играли. Люсьен корчил уморительные рожи, отчего ребятишки хохотали до икоты. Как всегда объектом шуток стал Иохим. Он обиженно надул губы, смотрел исподлобья, но не смел и слова против сказать старшему брату. Люсьен повалил его на половики и принялся щекотать. Гора мышц по имени Иохим примирительно смеялся.

Мать цыкнула на детей, девочкам дала в руки вязанье, мальчишек заставила строгать доски для новых бочек.

Дода назидательно выговаривала дочкам:

–Даже королевы ткут, вяжут и плетут нить на простом веретене, ибо рукоделие – благоденствие для любой девицы.

Гарлева сидела ближе всех к родителям, лениво перебирала ненавистными спицами, и слушала их беседу.

Урсольд со злобой говорил:

–Этому человеку нравится творить зло. Он не ведает ни угрызений совести, ни сомнений.

–Но ведь графу позволительно всё,– уверенно возражала Дода.

–А про суд Божий вы с графом не забыли? Роберт-Дьявол готов разрушить всё мироустройство, существовавшее до него, для установления своего жесточайшего гнёта.

–Граф – помазанник Божий,– упрямо твердила жена,– Что хочет он, значит, угодно Богу.

–Беспросветно и дико среди тупости и насилия,– вздохнул отец.

–Зачем же ты впустую треплешь языком перед тупой бабёнкою?– обиделась Дода,– Сидишь и завидуешь отваге и богатству графа.

–Кто? Я завидую? Да я верю Священному писанию, где в Ветхом Завете говорится: «Не завидуй славе грешника, ибо не знаешь, какой будет конец его дел». Ведь всех Иродов Бог наказывает.

–Папа, а кто такой «Ирод»?– подала голос Гарлева.

–Царь иудейский в Израиле был. Слыл жестоким и безжалостным. Даже последним его поступком было подписание смертного приговора собственному сыну Антипатру. Вот и умер Ирод, заживо съедая червями.

Пожалев младшую дочь, отец отпустил её играть с куклами. Летом из белой глины девочка налепила медведей, уток, лебедей, человечков, раскрасила их соком ягод. Фигурки полежали под лучами жаркого солнца и затвердели. Домашние перебирали эти глиняные игрушки Гарлевы и дивились её смекалки и выдумке. Из соломы Урсольд связал ей большого, потешного человечка, которого она назвала: «сеньор де Орн» по названию крупной реки, что текла поблизости и впадала в Ла-Манш.

Глядя, как дочь воркует в окружении кукол, глава семейства полушёпотом смешливо спросил у жены:

–Почему девчонка играет в господ?– и он передразнил её

голосок, – «Мсье Задира, сегодня Вы наказаны и не получите сладкого сока». «Сеньор Арман Флер де Орн, ах, какая у Вас блестящая новая кольчуга». Уж не валялась ли ты в стогах с Ричардом Вторым Добрым, папашей Роберта?

Бедная женщина выронила веретено.

Заплетающимся языком оправдывалась:

– Бог свидетель: это твоя дочь, Урсо.

– Да не бойся, дурочка, я шучу. Была бы дочь Ричарда Доброго – резала бы куклам головы.

Дода тихонько заплакала. Арно воспользовался моментом и стал путать нить на прялке.

Разглядывая её подурневшее лицо, муж размышлял:

– Твоя некогда живая красота простолюдинки, похожа на цветок – пышно расцветает в одночасье и быстро вянет, отдавая красоту детям. А холодная, строгая прелесть аристократок, словно блеск изумрудов и брильянтов – от них невозможно оторвать взгляда, их красота остаётся в веках: в балладах, на холсте в красках.

– Где ты видел изумруды и брильянты, балбес ты эдакий? – всхлипнув, надсмехалась жена.

– Глупая ты баба, Дода, нет, чтоб нахваливать муженька, перечишь ему да ругаешь. Видел я и камни дорогие, и барышень расфуфыренных да обмазанных маслами пахучими, только где видел – не скажу.

Женщина решила, что, видимо, её Урсо служил где-нибудь конюхом или псарём. О прошлом Урсольда ничего не

было известно, в юности он куда-то уезжал на заработки, вернулся с немалыми деньгами, даже привёз несколько рукописных книг, кои хранил для продажи в неурожайный год. В его коллекции были: «Библия» на латинском языке, собрание высказываний древних римских и греческих философов, «Баллады викингов» написанная каролингским минускулом, «Мифы Эллады» и «Арабские сказки» на греческом маюскуле. По ним он учил детей грамоте. Вульфгунда наотрез отказалась изучать каролингский алфавит, не говоря уже об иностранных языках, то ей надо пряхсть, то надо помочь матери мыть Арно. Зато Гарлева умоляла научить её быстрее читать. Она и слушала с восхищением про другие страны, её завораживал чужой, иной мир. Урсольд любовался умницей и радовался такой любознательности. Он понимал, что Гарлева испытывает дивное ощущение взросления с впитыванием неизведанного, нового, непонятного и неожиданного. Детство – пора, когда встречаешь добрую улыбку прохожих, которые тебя неизвестно за что любят. Когда сладостный сон детского неведенья не омрачает краски жизни.

Монастырь Сен-Дени расширял свои владения за счёт дарений, прикупок, торговли, обменов и обманов. А также вёл распри с соседями и вассалами за землю. Вот недавно аббат Адам из монастыря Сен-Дени отвоевал и захватил аббатство Аржантейль, причём священнослужители напрочь забыли, что им полагается драться только палицами и дубин-

ками, чтоб не святотатствовать на церковной земле пролитием крови, а перешли на копья и мечи, как светские рыцари. Вассалами у монастыря были даже король Франции Роберт Второй Капет и герцог Нормандский Ричард Третий (брат Роберта де Эслуа), а также и сам граф. Церкви к тому времени владели огромными территориями от одной трети всех земель Франции. На их земле работали не только монахи, но и многочисленные сервы (крепостные).

Доходы монастыря Сен-Дени были колоссальные. Монахи сменили деревянный забор на непреступные каменные стены, выстроили башни и другие укрепления, начали строительство величественных храмов. Все эти каменные ограждения служили атрибутом спокойствия потому, как шаловливые рыцари не гнушались нападать на монастыри, отнимая богатства святых отцов.

Безопасный путь графу из Нормандии до Лютеции (Парижа) обеспечивали владения друзей: Ланселена Булььского, Даммартена и Пазана Монтейского. Он без особых проволочек добрался до Википедии – Северного пригорода Лютеции, где и располагался монастырь.

Поздним вечером Роберт де Эслуа оставил обозы позади и со свитой направился к воротам Сен-Дени.

–Непонятные люди – монахи, человек не выносит сидеть в заточении, в тюрьме, особенно в одиночестве, а те годы проводят в кельях,– поёжился граф.

–Люди ко всему привыкают...особенно монахи, ха-ха-

ха!— развеселился Мовбрей.

Монахи без боязни пропустили небольшой отряд из десяти человек.

К гостям вышел молоденький, чахлый скрипторий (монастырский писец), повёл в обитель. Роберт остановился и долгим взглядом окинул стройку монахов. Массивная крепость в романском стиле переделывалась в новый стиль – готический. Возводили колонны, стрельчатые арки со сводом. В больших окнах появлялись витражи с разноцветными стёклами.

Вошли в самое старое здание. Рыцари, звеня доспехами, кольчугой и мечами, проходили по коридору между малюсенькими комнатушками – кельями, такими низкими, что казалось, будто камни наваливаются на душу. Мимо сновали десятки не замечающих друг друга людей в рясах. От многих несло трудовым потом: монахи работали в поле наравне с крестьянами. И Роберт подумал, что никакими благовониями не истребить эту вонь.

– У нас в монастыре проживает ныне тысяча монахов, – похвастал скрипторий.

Граф остановился у дверей одной из келий и прислушался. Оттуда доносились то вопли, то страстные мольбы.

– Любовь во мне убей, о, Всемогущий Боже! Как проникает это чувство через толщу стен? И почему ты разрешаешь ей томить меня даже здесь, в монастыре? Ведь я уже монах... Я думал, что в стенах священных забуду я мирские радости и

суету... Но почему любить любимую – великий грех? Ты – божество, ты должен помнить обо всех и обо всём, так почему ты, как человек, творишь ошибки и просчёты? А добродетельность свою ты шлешь богатым, не замечая нищету и скорбь простых людей! А, может, ты предназначен для богатых, ведь только лишь они способны дань высокую платить?.. Воспоминанья о былом хотел бы я убить... они тревожат и зовут в пучину, в бездну чувств, желая захлестнуть.

– Не знал, что вы репетируете сирвенты для сцены, – удивлённо проговорил граф.

– Нет, сеньор, церковь не занимается лицедейством, – потупился писарь.

Роберт толкнул дверь, она пронзительно закрипела ржавыми скобами.

Монах оторвал взгляд от распятия и оглянулся. Миловидный блондин, такой же юный, как де Эслуа.

Странствующий рыцарь грозно выругался и упрекал:

– Если ты не мыслишь себя без девки, о которой льёшь слёзы, какого чёрта ты припёрся в монастырь?

– Она вышла замуж за состоятельного купца-еврея, тогда как я обедневший маркиз.

– А, да ты – Юланд де Равале из Шербура! Ты бросил замок на попечение старых родителей и брата с придурью. О службе мне, сюзерену, видно, забыл. Или этот долг для тебя даже не второстепенен, а вовсе исчез из твоей пустой головы?

—Я хочу обо всём забыть...

—А свою возлюбленную, своего злейшего врага забыть не пробовал?

—Пытаюсь...

—Скорее ты пытаешь себя... Надо быть идиотом, чтобы думать, что мысли и воспоминания можно оставить за воротами обители.

Молодой затворник отвернулся.

Де Эслуа препроводили к аббату Адаму.

Недюжинного роста, широченный в плечах, аббат в тёмной рясе сидел за простеньким письменным столом с сажными чернильницами и перьями в них. Перед ним лежала раскрытая книга. Стены были расписаны библейскими темами, каменные скульптуры ангелов украшали углы. Несколько больших шкафов с кожаными книгами (пергаментами), новыми и трухлявыми, повсюду между ними бесчисленные свитки, были здесь даже папирусы и глиняные таблички.

—Почему нас не привели к епископу?— выказал недовольство граф, когда слуга Клод, расторопный парень, закрыл за последним оруженосцем тяжёлую, окованную дверь.

—Епископ занят,— смиренным тоном, нараспев отвечал ему аббат.

—Я привёз оброк и ренту, что задолжал я и мои вассалы, но обозы ещё не подошли,— доложил гость.

—Наконец-то Бог вразумил сих величественных мужей,— взвыл опять священник тягучим тоном,— Да пошлют вам

небеса долгие годы в благоденствии.

–Обоз отстал, мы с дороги давно не ели,– намекнул Роберт.

–Я распоряджусь, братья мои, чтоб вас накормили, но разносолами удивить не могу, монахи недавно дали обет внеочередного поста, дабы показать слабой плоти, что душа главнее.

На лицах рыцарей отразилась кислая мина, которую аббат с ухмылкой прочитал: «Вот жадина».

–Разве не ошибка тратить драгоценные дни на пост, моления и ущемления желаний плоти? Что тебе это даёт?– вопрошал раздосадованный граф.

–Я постиг смирение. Я счастлив, когда мой разум постигает Бога. Моё сознание свободно в монастыре, оно не ощущает никаких стен. Жить в распутстве – великий грех, сын мой.

–Святой дурак, ты много в жизни пропускаешь,– сорвалось с губ высокородного юноши.

–Боже, спаси его заблудшую душу,– возопил для приличия аббат Адам, он продолжал обличать графа,– Во всех уголках земли Франкской только и говорят, что о твоих зверствах.

–Я нападаю на соседей, что грабят моих крестьян, на тех, кто обижает моих вассалов.

–Зачем брать на себя миссию Бога карать?

–А что делать, если расплата запаздывает?

– Возмездие неотвратимо настигнет, если не его, то его детей и внуков.

– Но... разве это справедливо? При чём тут дети? И почему расплата должна ждать?

– Дети обидчика – это его кровь, кровь грешника. Я сколько раз замечал, что люди быстрее каются и осознают злобность содеянного в прошлом, когда горе касается их детей.

– А если дети – хорошие люди?

– Бог воздаст им за страдания.

Заговорил скрипторий, что стоял возле стола аббата:

– Всесильна власть зависти над слабовольными. Хищнически хочешь захватить и отнять чужое счастье, благосостояние, сокровища... Но разве это стоит того, чтобы жить? Ты хочешь заполнить свой дом мебелью и коврами, а жену увешать камнями драгоценными и тканями дорогущими? Тогда на кой чёрт тебе душа? Или у тебя её нет?

– У меня нет жены. И у меня есть душа.

– Её не видят люди, – не унимался благочестивый писарь.

– Душу нужно показывать всем?

– О ней все должны знать и почитать.

– Пойдем, помолимся перед трапезой, сын мой, – прервал критику скриптория аббат Адам, – Я уверен: Бог простит тебе всё, ведь ты совершаешь сейчас богоугодное дело.

Ранним утром, едва забрезжил рассвет, к воротам мона-

стыря подошли бесчисленные подводы.

Монахи с радостными лицами впускали во двор гостинцы от графа де Эслуа.

Приветствовать, ну и посмотреть на прибывшее богатство, вышел сам настоятель, а также несколько аббатов. Их отёкшие спросонок глаза довольно светились.

И вдруг возницы графа, что стояли возле сторожей ворот зарубили охранников. Другие выхватили луки и стрелы и застрелили ни о чём не подозревающих смотрящих с башен, что с наивностью глазели на подарочные обозы.

Аббат Адам первым опомнился, выхватил меч из под полы плаща и бросился на Роберта, который стоял сзади у дверей обители.

В это время из под дерюжек, прикрывающих обоз, выскакивали воины графа де Эслуа. На них устремились монахи, кто с палицами, кто с копьями.

Угрожающе огромный и могучий аббат обрушивал на Роберта страшные удары, но крепкий юноша ловко отражал натиск, нанося в ответ не менее ощутимые выпады, каждый из которых ранил священника.

И вот уже сломленный, окровавленный аббат стоит на одном колене и дышит с хрипом.

Сзади дерущихся раздаётся истошный, визгливый крик скриптория:

—Роберт – дьявол! Только исчадие ада могло сразить непобедимого аббата Адама, верного слугу Господа!

Граф де Эслуа всадил меч в сердце опасного противника и ринулся на писаря.

Худощавый скрипторий пятился и вопил в истерике:

–Роберт-Дьявол! Роберт-Дьявол!

Роберт внимательно глянул в бегающие от страха глаза человека, опустил меч, брезгливо плюнул в лицо труса и пошёл в наступление на вооружённого врага.

Писарь засеменил к изрубленному покровителю, распластался возле его тела и рыдал захлёб.

Армия графа быстро расправилась с монахами с палицами. Копьеносцев застрелили из луков.

И с гиканьем воины бросились в кельи монахов. Сопровождающих убили. Безоружных согнали в главную залу собора. Среди них были дети богатых сеньоров, что отдали любимых чад для обучения наукам. Учителя стояли тут же, отдавая дань моде выписанные из других стран, здесь были ирландские священнослужители, английские и итальянские.

Де Эслуа громко вопрошал у толпы:

–Скажите мне вы, монахи, разве первые христиане были богаты? Разве отбирали они у людей землю и пропитание?

В зале с многоэтажными порталами, где красовались каменные скульптуры и росписи меду окон-роз, смиренно стояли зловещие фигуры черноризцев. На лицах застыло вечное страдание. Они казались какой-то грязной массой на полу, тогда как зал блистал великолепием искусства.

Сознание графа торжествовало и смеялось над повержен-

ными монахами. Он глазами отыскал в толпе скриптория. Тот, как Роберт и предполагал, с красными от выступающих слёз глазами, хлюпал носом. «Какое разное у нас воспитание. Я вырос в седле с оружием в руках, а этот книжный поглотитель постигал «истины» из высоконравственных книг Сократа, который, кстати, был казнён в свои семьдесят лет за растление малолетних детей. Как можно верить такому философу, который утверждал, что человек должен во всём искать благо только для себя?».

Альвиз де Ивре, у которого при каждом движении мускулы на лице некрасиво дёргались, вывел одного из монахов, подвёл к графу.

–Господин, это – Антуан де Креси, он давал клятву «фуа» – верности сеньору, чтоб служить Вам, а сам ушёл в монахи после первого же набега на город в Пикардии.

Граф достал меч и, подхватив руку нарушившего обет чести, отрубил её со словами из «Салической правды»:

–Клятвопреступление карается отсечением руки.

Ряды людей загудели и пронеслись возгласы:

–Роберт-Дьявол.

Палач окликнул писаря:

–Иди, покажешь полиптик (опись церковных владений) и калькулярии (собрания грамот- дарственных монастырю).

Монах смирился с судьбой и молча выполнял все указания завоевателя.

–Скрипторий, ещё раз вздумаешь учить меня жизни – вы-

бью все зубы,— обещал граф де Эслуа.

Всего час ушёл на разбирание каракуль и грамотное толкование смышлёного скриптория.

—Так, отлично, Тури принадлежит Сен-Дени, там неукреплённая вилла в Боссе...монастырь торгует вином, маслом, солью, мукой...— бормотал граф, разбирая важные документы, затем спросил у скриптория,— Писака, кого ты предлагаешь на должность епископа и аббатов?

Парень назвал несколько имён, требуемых привели. Де Эслуа критически оглядел претендентов на вакантные должности. Заставил их считать, писать на разных языках, спрашивал о трудах Аристотеля и Пифагора, интересовался, каких философов они читали. Остался доволен.

Одного похлопал по плечу, похвалил:

—Ишь, какая светлая голова! А то этот прохвост аббат Адам и читал-то с трудом...Вчера уморил рассказнями небылиц о житие святых.

—Вы — еретик!— осмелился выкрикнуть один из монахов.

—Не терплю дурней,— поморщился Роберт,— А разве несколько ваших аббатов не увлекались колдовством, называемой вами алхимией? Разве не ересь пробовать извлечь золото из свинца? Кстати, де Ивре, повесь того болвана, что оскорбил меня.

Итак, граф Роберт де Эслуа Нормандский назначил на высокие посты своих ставленников, и подчинил себе доходы и имущество монастыря и других церквей.

Затем завоеватель решил осмотреть укрепления и башни, он задумал оставить на них своих воинов.

Во дворе его конь жалобно заржал, узнав хозяина. Граф не замедлил подойти к животному.

–Соскучился, бродяга,– трепал его за холку Роберт.

Обозы так и стояли вразброс, некоторые опрокинутые в пылу сражения.

Вдруг, лениво отбросив рогожу, из одной приподнялся, потягиваясь, новый оруженосец Эрлюин де Контевиль. Увидев сюзерена, он испуганно захлопал глазами.

–Бой уже кончился? О! А меня не разбудили,– смешно оправдывался юнец, чуть не плача.

–У меня хорошее настроение, потому я не стану наказывать тебя за крепкий, здоровый сон,– улыбнулся граф,– А, знаешь, вассал, пока ты спал выпала удивительная роса.

–Да?

–Да, в виде крови.

И Роберт расхохотался. Затем он весомо ударил парня по плечу и приказал следовать за ним.

Юноша старался не смотреть, как со двора волокут тела истерзанных защитников монастыря.

Переделав кучу дел, де Эслуа с оруженосцами зашёл в келью к Равале. Монах молился.

–Эй, плакса, вставай с колен, и так, поди, их все протёр возле стены с малёванным, деревянным идолком.

–Это Вы о кресте?– изумился Равале,– Уж не почитаете

ли Вы Одина – бога викингов?

– Это ты глумишься над религией, превознося простую смертную превыше Бога. Не ты ли тем вечером утверждал, что Бог помогает лишь богатым? Иисус не крест, а сын божий. И сейчас он не на кресте, он с Богом где-то там, в заоблачных мирах, и следит за нами оттуда... Равале, тебе нечего здесь делать, поехали со мной. Надеюсь, Ты не разучился держать в руках оружие? Или ты всё же предпочитаешь вкалывать на монастырском поле от зари до зари, и спать четыре часа в день?

– Нет, я поеду с Вами, сеньор. Я отрекусь от ужасного имени Морман, данного мне здесь. Я приму присягу «фуа». Я понял: от любви не скроешься ни за какими стенами и отрешениями, монастырские стены не спасут от мирских невзгод и человеческих страданий.

– Твоя душа мятежна, хоть и хотела прикрыться набожностью, ей нет покоя даже в этих стенах...

– И я не прошу себя за то, что принёс горе родителям. Вы, сюзерен, хорошо платите за службу, а у нас в замке остались голые стены... У Вас есть какая-нибудь другая одежда? Мне опротивела эта ряса.

– Молодец! Прочь тоскливое одиночество! Монастырь – это крепость насилия над телом. Здесь сотни пыток-издевательств придуманы для истребления гордости и неповиновения у послушников.

На вечерней мессе граф со своими воинами, как богобо-

язненный католик, конечно же, присутствовал. И молился запойно, многократно осеняя себя крестом.

Эрлюин стоял совсем рядом и видел, как из глаз жестокого завоевателя вдруг потекли слёзы. Неужели ему стыдно за содеянное?

–Сеньор, Вы плачете?– изумлённо зашептал оруженосец.

–Храм потрясает красотой...а монахи так задушевно поют...

–Вы верите в Бога?– с сомнением переспросил юноша.

–Несомненно, какой-то Высший разум должен быть. Создатель где-то живёт и радуется своему гениальному замыслу, замутить всю эту заварушку.

Граф изволит шутить? Но нет, Роберт падает на колени и плачет уже открыто, навзрыд.

Действие сеньора повторили остальные вассалы.

Эрлюин тоже встал рядом с сюзереном, ему захотелось приобщиться к благодатному, благоговейному зову религии. Он воззрился на Иисуса на кресте, на вытянутые в длину витражные картины, изображающие святых, и вдруг ясно представил и почувствовал боль сына божьего. Из его глаз тоже хлынул поток слёз горечи оттого, что человечество потеряло, не уберегло ниспосланное чудо. И слёзы сострадания за муки, что сыпались на Иисуса от злых людей.

По дороге домой граф де Эслуа в экономически важных пунктах собирал у вассалов и шателенов (начальники смот-

ровых крепостей) мостовые, паромные, дорожные и рыночные пошлины.

И вот родная долина Анта. Замок Фалез недалеко от города. Его большие, неотёсанные камни под деревянными галереями, видать издалека потому, что выкрашены в резкие цвета, которыми восхищались его предки викинги.

Дома, как только он дал первые распоряжения по хозяйству и обустроил оруженосцев, в его комнату ворвалась и набросилась с упрёками любимая бабка Гуннора де Крепон, мать почившего герцога Ричарда Второго Доброго, отца Роберта.

—Пока твой картеж двигался до дому, другие феодалы стали тоже обижать церковнослужителей!

—Пусть почувствуют себя в шкуре крестьян,— огрызнулся внук.

—Крестьяне должны работать! Твой отец в 997 году замучился подавлять восстания по всей Нормандии, ему пришлось призвать в армию буквально всех своих подданных феодалов. А ведь крестьяне сами уговаривали местных сеньоров взять их под опеку, защитить от насилий и притеснений соседних феодалов.

—Я слышал об этом восстании, крестьяне требовали восстановление своих прав на свободное, бесплатное пользование общинными угодьями. Отец жестоко расправился с бунтарями, но поборы за землю сбавил.

—Но ты, милый дружок, уводишь разговоры в сторону от

церкви. Разве можно ссориться с таким сильным врагом?

–Бабуля, ты забыла, что яростнее других стран христианству сопротивлялась именно Франция. Последний оплот друидов был как раз на земле Нормандии в районе Руана. А мой прадед Рольф накануне крещения принёс жертву языческим богам, прощаясь с ними, он же перед смертью, раздираемый сомнениями, принёс в жертву Одину сто пленных христиан и одновременно подарил сто фунтов золота церквям своего герцогства. И сына своего Вильгельма Рольф-Роберт растил в Байё среди настоящих викингов-пират.

–Зачем вспоминать, что было раньше, сейчас другие времена.

–Кто меня остановит? Этот жалкий сморчок французский король Роберт Второй Благочестивый? Да у него дружина в сто раз меньше, чем у меня. У него под носом его же вассалы воруют всё подряд, даже его сестёр, а после требуют выкуп. Он не имеет права собирать дань со своих дорог, а платит за проезд, когда едет на ярмарку в Лион, своим соседям-вассалам, которые чуть ли не зад ему показывают. Капету надо было идти в монахи – молиться получается у него лучше всего.

Старушка закатила глаза к небу и показательно воззвала к Господу:

–Вразуми моего внука, ты, Всевышний! Моё слово здесь ничего не значит.

–Ну за кого ты заступаешься, бабуля? За воров? Я их

возмездие за зверские пытки людей, сжигание на кострах друидов и другие античеловеческие и антигуманные выпады оголтелых фанатиков-маньяков, прикрывающихся именем Бога, как ширмой. Для чего отнимать у бедняков и их детей последний пай хлеба, складывая их скудные приношения в сокровищницу? Кому эти богатства принесли радость или облегчение? Кроме главного священнослужителя их никто не видит, и никто ими не обладает, тогда, как он обвешивается драгоценностями, словно языческий идол сарацин.

—А ты воруюешь у вора,— ухмыльнулась Гуннора де Крепон,— И не понимаешь главного: скопление сокровищ — это сохранение и развитие культуры. И что-то я не припомню, чтобы ты отказался от ношения драгоценностей или отличился послаблением гнёта над крестьянами. Когда судишь других, не забывай, что и сам замаран тем же дерьмом.

—И эти поганые слова я слышу от королевской крови... бабуля, как не стыдно сквернословить... Так ты не хочешь обнять своего доблестного внука, покрывшего себя славой в сражениях?.. А я скучал по тебе...

И Роберт простёр объятия. Старушка с достоинством приблизилась. Её сухонькая фигурка с гордой осанкой выражала помпезность и величие.

Обнимая могучего внука, она прошептала ему на ухо:

—Один ты моя опора, никому больше не нужна старая развалина. Ну, ничего, мы ещё им всем покажем, мы отомстим Ричарду Третьему за кровь моего сына.

Она погрозила кулаком в сторону Руана, старушка считала, что её старший внук зарезал Ричарда Второго, своего отца.

Затем пожилая женщина мягко, с любовью добавила:

– Малышка моя, закатим же пир в честь твоего благополучного возвращения.

Столы в 24 метра, шириной в 2,5 метра покрывали кожаные скатерти. Мясо во всех видах главенствовало на пире, рядом стояли глиняные тарелки с дичью и рыбой, повсеместно также располагались устрицы – излюбленный деликатес нормандцев. Нарезанные варёные овощи тоже поставили, вдруг кто-нибудь захочет.

Никто из людей графа не распускал рук, не хватал хорошеньких служанок за выпирающие прелести, уважая присутствие за трапезой высокородной и престарелой Гунноры де Крепон.

При перемене блюд рыцари омывали пальцы в тазике водой и вытирали полотенцем.

С отменным аппетитом поедая яства руками, рыцари не забывали и о беседе.

– Королева Констанция Аквитанская недавно выбила палкой глаз своему духовному наставнику, – сообщил заезжий купец, которого милостиво пригласили отобедать, после того, как тот внёс солидную пошлину за право торговать нынче в Фалезе.

Все злорадно рассмеялись, представляя как чудит злыдня-королева.

Рассказчик продолжал:

—Она обвинила сего святошу в ереси, лично пытала его, а после скормила волкам.

—Шустрая бабёнка,— усмехнулся Роберт-Дьявол, расправляясь с устрицами.

—О, да! Она посылает короля Роберта Второго Капета ко всем чертям и уединяется со своей шайкой трубадуров, которых привезла с собой из Аквитании,— продолжал сыпать новостями из столицы купец,— Эти её поэты поражают воображение. Настоящие фигляры! Одеты в короткие штаны, туфли с огромными, загнутыми носами, бороды выбриты, волосы коротко острижены. Они жеманны, слабы, чувствительны, ну, в общем, от баб не отличишь.

—В Париже забавно и весело,— протянул конопатый Жерме де Люзин, надсмехаясь над нравами двора, он запустил руку в салат, слизал с пригоршни овощи и принялся облизывать пальцы.

—А как там поживает мой родственничек король франков?— узнавал граф,— Не надумал ли повесить чинш (оброк королю)?

—Роберт Второй, как обычно, боготворит свою наложницу Берту Бургундскую.

—Тоже не промах,— довольно улыбнулся Роберт де Эслуа,— От жены не отстаёт.

–Всё же он совершил ошибку, некогда женившись на Бургундской, ведь она его троюродная сестра, папа Римский Григорий Пятый придал Францию анафеме и долгое время запрещал проводить все церковные церемонии, ввергнув страну в смрад незахороненных тел, и люди тогда с перепугу думали, что через три года в тысячном году наступит Конец Света,– поносил короля граф Анжуйский Фульк Третий по прозвищу Нерра (чёрный), что присоединился к компании, проезжая мимо, спеша к своему сеньору – Ричарду Третьему Нормандскому.

–Но Роберт Второй исправился, женившись на Констанции,– урезонил Нерру граф де Эслуа, напоминая тому и добрые дела короля,– Ты вообще должен превозносить Капета за то, что тот помог сокрушить твоего врага – Ода де Тур де Шартр графа Блуа.

–Конечно, король мне помог, потому что Од де Шартр был мужем Берты Бургундской!– смеялся Нерра, сдувая со своего чёрного костюма невидимую пушинку.

–Недаром мои предки, викинги, не раз повторяли старую поговорку: «Сделал добро – пусти его на воду, забыв о нём, и не жди на него ответа»,– вздохнул Роберт.

Любитель женщин смазливый барон Ратгис де Монморанси восторгался женскому очарованию:

–Зато Берта Бургундская разбудила мужика в этом коронованном монахе!

–О, я помню, как Капет только и делал, что читал литании

и сочинял церковные песни!— подхватил Пазан Монтейский, что приехал в гости к другу.

—А я, честно говоря, радовался, когда юный король отказался повиноваться Папе Римскому, считала, что любовь победит,— призналась с вздохом Гуннора де Крепон.

—Ага, а народ расплачивался за грех короля,— усмехнулся её внук.

—Да, любовь проиграла, уступив настойчивости и твёрдости Папы,— опять вздохнула бабушка графа де Эслуа.

Граф Анжуйский Фульк Третий Нерра напоминал:

—Помните, как Роберт Капет заперся с Бертой во дворце, потому что люди на улице разбегались от проклятого короля и запирались в домах. Вещи, до которых дотрагивались отверженные римским папой короли, сжигались. Его поварам приходилось сжигать посуду и кубки, побывавшие в руках изгоев.

—Нерра, какие подарки ты везёшь моему братцу?— выпытывал Роберт де Эслуа.

Увиливая от прямого вопроса, Фульк задабривал хозяина:

—Я привёз много анжуйского вина и тебе, славный брат моего сеньора.

И Анжуйский гаркнул-повелел своим слугам встать с пола и нести бочонки с вином в гостиный зал.

Опробовав вино из первого бочонка, Роберт оценивал вкусовые качества напитка:

—Твоё вино лучше, Нерра. В твоём краю больше солнца, и

виноград впитывает тепло, как ребёнок ласку матери. Гроздь в твоём регионе становятся ядрёнее, слаще и ароматнее.

–Польщён похвалой.

–Ты-то тут причём? Так распорядился Бог: одним давать больше солнца, другим морские просторы, а все вместе блага мы получим только в раю.

Де Люзин принялся пересказывать фаблю (побасёнки), которых знал не в меру много. Слегка охмелевшие рыцари задорно смеялись грубому, народному юмору.

–Почему бы не обучать крестьянских детей грамоте?– вдруг спросил Эрлюин де Контевиль.

Роберт излагал вассалу-оруженосцу суть дела:

–Знания не принесут народу ничего, кроме излишних страданий. Куда им применять историю, географию? В землю же не посадишь... Да ещё от чрезмерных размышлений крестьяне сделаются упрямы, неподатливы к подчинению. Бедняки должны кормить и одевать высшее сословие. Хотя, иногда, можно идти на уступки бедным, чтобы они не считали себя рабами, иначе возникнут конфликты. А если, всё же, дело дойдёт до бунта, то небольшой подачкой всегда можно заткнуть их вонючие пасти, дабы они не потребовали всего. Удел крестьян – работать ради живота.

–Мне всё же хочется верить в светлое будущее человечества, что, осознав ошибки прошлого, из диких животных люди превратятся в творцов доброго и вечного,– мечтал Эрлюин.

— Не знаю как во всей Вселенной, но на Земле каждый человек хочет жить лучше своего собрата, и хоть чем-нибудь да выделиться из общей массы ему подобных, — напомнил юноше житейский расклад граф.

— А я вообще ни разу не видел полностью счастливого человека, — заявил Анжуйский, — Человек, словно кровожадный и алчный дракон — ему всегда мало денег, славы и власти. Бесконечно мало.

Разноголосо посыпались обсуждения политических и исторических казусов. Мужчины утопили в вине опасения и заботы дня, расслабились. Спиртное стёрло между ними грани возраста и положения. Им, в хмельном угаре казалось, что нет у них более близких друзей на свете. Они то с хохотом вспоминали уморительные сцены, как заставляли вороватого налоговборщика голым плясать перед крестьянами на раскалённых монетах, то, как приказали одному любителю безудержных пьянок осушить маленький бочонок вина, а пока он спал, нацепили на него бочку, крепко привязав, как он потешно пытался её снять, падал и катился по земле, потом, конечно, бросил пить.

Кто-то упомянул погибших друзей, рыцари горячей, помужски скупой слезой сокрушались о неправильных боевых стратегиях, о непредвиденных обстоятельствах, кои невозможно запланировать и избежать.

Анжельжер де Мовбрей охрипшим голосом затянул балладу, к концу первого куплета все товарищи подхватили мо-

тив. Кто-то красиво выводил мелодию, а то-то просто подвывал. Всё ещё были в почёте старинные куртуазии – кельтские предания с высокими понятиями о чести и любви.

Догорал закопченный камин, догорали-таяли восковые свечи в медных подсвечниках.

На столах остались лишь груды костей.

–Ну, кто ещё не пропил последний стыд?– обвёл захмелевшими глазами присутствующих Роберт.

В ответ раздался одобрителный гогот тех, кто ещё не упал под стол.

Утро началось со стонов и похмельного храпа. В гостиной стоял смрад от несвежего дыхания.

Роберт проснулся и с улыбкой разглядывал размытые вином физиономии друзей.

–Де Ивре, ты похож на разбойника с большой дороги,– смеялся сеньор над опухшим лицом вассала.

Проснувшиеся потянулись к кубкам с вином.

–Почему меня непреодолимо тянет к земле?– стонал Фульк.

Он недолго постоял на ногах, затем вновь улёгся на пол.

–Может, твоя мамаша тайком бегала в хижину крестьянина?– шутил Эслуа.

Все рассеялись.

Другому граф Анжуйский срубил бы голову, но на брата сюзерена нельзя обижаться, к тому ж в любой момент Ро-

берт может стать его господином, если что случится с Ричардом Третьим, и Нерра поддержал общее веселье, наполнив зал громким хохотом. Затем он дополз до шкуры медведя, и развалился на ней.

— Не сочти за навязчивость и прости за натурализм, но на шкуре должно быть скопище блох от моих любимчиков-гончих, которые обожают здесь поваляться.

Все опять захихикали.

Предупреждение возымело действие: Фульк сел.

— Приведу себя в порядок, — пообещал он, но продолжал сидеть.

— Иди лучше выпей, полегчает, — позвал за стол Роберт.

— Попойка — это разбитый вид, потеря настроения и сил, — ворчал гость из Анжуйского графства.

Но после опрокидывания в себя пары кубков повеселел, и даже затянул грустную песню.

Роберт обратил внимание на нового оруженосца Эрлюина де Контевиля. Лицо парня заметно побледнело.

— Эрл, ну-ка выпей, — приказал Эслуа.

— Нет, сударь, меня только что стошнило.

— Пить не можешь, зачем вино переводишь? — с укоризной произнёс Нерра.

Граф де Эслуа понимал, что юнец пьёт первый раз, его организм ещё не приспособился к пагубному действию спиртного. Он подошёл к оруженосцу, похлопал Контевиля по плечу.

Насмешливо просил:

–Ну-ка, опиши состояние.

–Желудок муторно тянет, сердце скачет, в горле желчь и горечь...и что-то ещё ноет протяжно и устало, может, душа?

–Когда душа ноет – это ещё цветочки, моя вот пока не опохмелится – трясётся вместе с телом,– поделился ощущениями Люзин.

Роберт налил пол кубка вина и всунул в руку Эрлюину.

–Пей сейчас же,– потребовал он, хотел ещё пригрозить, но зачем выставлять оруженосца в неприглядном свете...

Парень нехотя исполнил. А сеньор проникся к Эрлу уважением: юноша не выслуживается, не старается понравиться, он имеет своё мнение...да он разговаривает с сюзереном почти на равных! Сильная вырастит из него личность.

Эслуа ещё раз хлопнул оруженосца по плечу, довольный его послушанием.

Затем он предложил графу Анжуйскому:

–Оставайся у меня ещё на неделю. Завтра устроим грандиозную охоту, которая может затянуться на пару дней, после опять отметим это событие, попробуешь моё вино...

–Конечно, я рад погостить у Вашего Сиятельства подольше,– принял приглашение Нерра.

Малышка Гарлева проснулась ранним утром и тёрла глазки, когда услышала грозный голос отца:

–Кто обкорнал волосы сестре, словно она овца?

Мальчики переглянулись и воззрились на бесстыжую Вульфгунду. Та прятала глаза. Люсьен сжал кулаки и подскочил к ней. Отец оттащил старшего сына от несносной девочки.

Гарлева ощупывала подстриженные волосы и ревела.

– Это ты обрезала волосы сестре? – навис Урсольд над Вульфгундой.

– Это не я, это бесы, – лепетала дрянь.

– Ещё и трусиха, – махнул на неё рукой отец.

– Ты сгоришь в аду! – пугала Гарлева злодейку.

– Нет, я замолю грехи, – ехидничала та, показывая сестре язык.

– Хотел взять в гости к дяде вас обеих, теперь же со мной пойдёт только Гарлева, – распорядился Урсольд.

Слёзы младшей сразу высохли, старшая же что-то злобно пыхла под нос.

Девочка надела новый фиолетовый опашень (мужская и женская одежда свободного покроя, с длинными, сужающимися к запястью рукавами) из нанки (грубая плотная хлопчатобумажная ткань из толстой пряжи). Папаша Шаррон был горд, что его дети не носили одежды из поскони (мужская особь конопли, домотканая холстина).

Мать сунула в руку дочери железный гвоздик, чтоб, проходя мимо чужих людей, ребёнок не пострадал от дурного глаза. Затем укутала в длинную, тёплую кофту из козьего меха. На голову повязала длинный тёмно-сиреневый платок.

В лесу листва, что ещё не спешила облетать с деревьев, перешёптывалась между собой таинственно, запутанно, на своём непонятном для человека языке. Отец и дочь переглядывались и улыбались друг другу; солнечные зайчики играли на их лицах, пробиваясь сквозь пустоты меж поросших зеленью ветвей.

Фантазия ребёнка разыгралась, она спрашивала:

–Папа, а облака – это небесное волокно, из него бог и ангелы ткут себе одежды?

–Нет, это пар. Он или испарится, либо собьётся плотнее и прольётся дождём. Я встречал людей, которые видели облака совсем близко, в горах.

–А эта дорога ведёт вниз?

–Сейчас вниз, затем обязательно вверх. Все дороги петляют то вниз, то вверх, то влево, то вправо, как жизнь человека.

–И у бандитов? И у богатых?

–И бандиты, и богатые – глупые люди. Надо жить просто и никому не желать зла, тогда не наживёшь врагов. «Ветхий завет» говорит: «...Не делай зла, и тебя не постигнет зло. Удаляйся от неправды, и она уклонится от тебя...»

–Почему стороны света: север, юг?

–Северное небо солнце греет слабо, а на юге светит жарко. Если идти на север, то земли будут всё холоднее, придёшь в страну, где земля почти всегда покрыта снегом, а люди кутаются в шкуры зверей. А ещё дальше на севере, наши пра-

деды, викинги, говорили, вместо воды и земли всё покрыто толстым льдом.

—Тогда, если идти на юг, то упрёшься в пекло?

—Наверное. Говорят, на юге местами горит земля, и горы дышат огнём и дымом.

—Значит, ад на юге, а рай на севере? Но какой же это рай, если там холодно?

—Нет, рай на небе. Но бог создал жизнь так, чтоб мы были между огнём и льдом, теплом и холодом, между добром и злом.

—Папа, почему дядя Аутбольд молится не в монастыре, а где-то в глубине леса?

—Бог отовсюду услышит молитву.

—Но в монастыре много народу...не так скучно...Зачем же он так далеко ушёл от людей? Ему не одиноко жить отшельником?

—Он специально покинул мир людей, чтоб быт не отвлекал его от молитв и размышлений.

—А, правда, что раньше галлы верили в другие божества?

—Да. Раз в год главные друиды-колдуны собирались в священном месте близ Орлеана, что находится на нашей, нормандской земле. Божеств были сотни. Например: трёхликий богатырь с оленьими рогами, священный бык, священное дерево, змея с головой барана... У каждой общины были свои тотемы, и предмету поклонения обязательно приносились человеческие жертвы...

–Ужас!

–То были пленники подавляющей частью. За землю всегда велись войны.

Так за разговорами они быстро добрались до места.

У пруда, по краям которого росли молодые дубы, стояла маленькая, бревенчатая хижина с соломенной крышей.

–Ну, вот и монастырь на одного нашего аскета Аутбольда,– сказал Шаррон, и повёл дочку внутрь жилища.

Тёмное, понурое помещение с одним оконцем, земляным полом, две скамьи, три табурета, куча тряпок и книг в одном углу, распятие на стене в другом.

Отшельник читал молитвы, когда вошли гости. Гарлева с жалостью и интересом смотрела на обросшего человека, с чёрными и печальными глазами.

На вошедших залаял большой, лохматый пёс.

–Тиран,– окликнул собаку хозяин,– Это свои.

Животное приблизилось к гостям, понюхало, знакомясь, и отошло в свой угол.

–Здравствуй, брат, я принёс тебе кое-чего из продуктов,– с этими словами Урсольд поставил на пол мешок,– Припасы никогда не помешают, а то вдруг зима будет такой же холодной, как в 1.010 году. Купцы говорили, что морозы в ту пору сковали даже низовье африканской реки Нил.

–А это уже Гарлева такая большая?– улыбнулся Аутбольд,– Моя племянница по красоте будет достойна королям! Иди, малышка, я тебя обниму.

Девочка оглянулась на отца, тот подтолкнул её к дяде.

–Пойдёмте, проверим сети, я угощу вас запеченной рыбой,– позвал аскет родственников.

Мужчины, засучив штаны, залезли в пруд, вытряхнули трепещущую рыбу из западни в ведро.

Отец засуетился с ветками для костра.

Псина по кличке Тиран бегала с ребёнком по берегу наперегонки, приносила брошенную палку.

Аутбольд обложил рыбу листьями вишни и крапивы, посолил и обмазывал глиной.

–Дядя, зачем Вы прячете рыбку в глину?– узнавал Гарлева.

–Запечём улов в огне.

И аскет бросил свою стряпню в костёр.

Через некоторое время глина начала трескаться.

–Ага, готова,– обрадовано сообщил отец, вытаскивая палкой рыбу из золы.

Дядя аккуратно разбивал глину, извлекая кушанье. Чешуя прилипла к фаянсу, и оставалось только вынуть внутреннюю кость. Все с аппетитом поедали запеченную рыбу. Мужчины припивали еду вином, что изготовил Аутбольд из лесных ягод. Девочке сварили компот в котелке.

Собаке бросали кости.

–Дядя, вернись в деревню,– стала зазывать Гарлева.

–Я бежал от суеты, тревог, и теперь смотрю на мир только со стороны. Я стал чужд мирских забот и развлечений,– объ-

яснял родственник, подтверждая доводы Урсольда,— Свой скит я назвал Гибрайе.

Урсо тоже принялся уговаривать брата:

—Шёл бы ты, братец, в монастырь, страшно жить в лесу одному, неизвестно ещё как отнесётся граф, ведь в своих решениях он не предсказуем.

—Мне невдомек: зачем церкви нужна пышность обрядов, накопление сокровищ и земель, разве это не показное благочестие? Разве мои молитвы не слышнее здесь, на лоне природы, без сводов камня, без отвлекающего блеска золота и атласных одежд?

—Не знаю. Но ты стал похож на полоумного в своём заточении.

—Это тебе кажется, потому что священники разговаривают с людьми, как и ты, а я с богом!

—Ладно, помолись за нас, чтобы души наши в конце жизненного пути попали в рай.

—Ад и рай — это ступени в царстве мёртвых, так я понимаю. Душе злобной, жадной и сварливой не подняться до высших созданий по уму и чувствам. Потому каждый на земле должен позаботиться о душе, чтобы не оказалась она среди убийц, лентяев, воров и глупцов,— философствовал Аутбольд.

—Вот, старайся, дочка, взлететь повыше,— напутствовал отец Гарлеву, которая забыла о еде, слушая мудрёные и красивые фразы, затем спросил у брата,— Но ты же согласен, что

молитвы предопределяют судьбу?

– Великая Вселенная решает нашу судьбу в зависимости от наших поступков и душевной полноты. Есть люди счастливые, не стремящиеся к фанфаронскому благосостоянию, без склонности к чрезмерной роскоши, они просто живут, соблюдая все законы морали, они веселы по мере возможности, и благодарят Всевышнего за ниспосланную жизнь. И они, простаки, не искушаются властью и деньгами, а довольствуются самым необходимым; не запираются в городских домах, а живут возле живописной природы и ласковой воды.

– А мне иной раз кажется, что не будет так, как мы хотим. Судьба наперекор желаниям и мечтам крушит надежды, уничтожая последние радости, – вздохнул Урсольд.

– Верь в лучшее, и оно придёт, – убеждал отшельник.

– Пожалуй, мы пойдём домой, там, как всегда, полно дел.

Родственники попрощались.

Девочка несколько раз оглянулась на хибару, где со своими мыслями сидит аскет, что не хочет жить с людьми. Это как же надо разочароваться в людях, и не любить общество, чтоб сбежать от них в лес? Разве обида не грех? Христиане говорят: надо прощать друг друга...

Шаррон свернул с тропинки в лес в поисках грибов.

Гарлева тоже увлечённо заглядывала под деревья. Детская душа, жаждущая небывалого и необыкновенного, точнее: сказки, звала: «Чудо! Чудо! Явись!» И вдруг она увидела милого, шустрого бурундучка. Пошла за ним. Испуган-

ный зверёк привёл её на полянку, пробежал вокруг солидной кучки грибов, и залез на дерево.

—Папа! Папа! Бурундучок подарил мне свои запасы!— радостно закричала девочка.

—Ау, дочь, я здесь!— откликнулся отец.

Гарлева принялась наспех собирать дары леса в платок. После чего побежала на голос отца напрямик.

Граф Роберт де Эслуа, утомлённый длительными погонями за оленем, возвращался в замок ни с чем, злой и расстроенный. Его свита, друзья и оруженосцы где-то затерялись в дебрях. Он мог бы позвать их, дунув в рог, но их насмешки доконали бы его вовсе. Усталая лошадь брела еле-еле.

Роберт со скучающим видом любовался игрой света в листьях, сквозь которые выглядывало пылающее солнце. Равномерный шаг лошади убаюкивал, тепло меховых одежд расслабляло, оберегая от прохлады осени.

Вдруг из оврага внезапно выскочила маленькая девочка с котомкой. Лошадь ошарашено присела, испугавшись. Взметнулась на дыбы, заржав. Роберт от неожиданности едва удержался в седле. Сработала сноровка и реакция воина, меч мгновенно оказался в руках, и это грозное оружие уже взметнулось над головой ребёнка.

—Поцелуйте меня!— закричала-попросила маленькая девочка.

Граф опешил. Что от страха лопочет эта малышка? Спрыгнул с лошади, воззрился на крестьянского отпрыска.

В её глазах ни капли страха.

Переведя взгляд с красивых глаз графа на меч в его руке, девочка повторила просьбу:

–Прежде чем убить, поцелуйте меня.

–Зачем?– захлопал глазами мужчина.

–Чтоб не умереть нецелованной. Все девчонки в деревне уже целовались с Дени, а я, глупая, над ними смеялись...

Роберт расхохотался. Спрятал меч в ножны.

–Ну, как убить того, кто тебя совсем не боится? Такое маленькое, но смелое существо,– похвалил он ребёнка.

Он погладил хорошенькую девочку по голове, наклонился и поцеловал в щёку.

–Дочь, смотри: я поймал зайца одними руками!– послышался крик Шаррона,– Чёрт, с кем это ты там стоишь? Кто бы ты не был, я убью тебя, если обидишь моего ребёнка!

Де Эслуа вновь выхватил меч и приближался к крестьянину, в котомке которого барахтался зверёк.

–Ты, червяк, ты не имеешь права ловить лесных зверей! Это моя собственность! Я – граф, и твой сеньор! С законами не шутят, а ты не такого уж высокого полёта птица, чтоб делать для тебя исключение из правил.

–Ещё совсем недавно леса были общим достоянием... Народ когда-то выбрал вас, рыцарей, чтоб вы защищали его, а теперь вы продаёте его, как скот. И, зачастую, предаёте в войнах.

–Да ты ещё и бунтарь!– взревел граф.

–Папа, беги!– заголосила Гарлева.

–Дочь, беги!– заорал Урсольд.

Но упрямая девчонка была уже между ним и сеньором.

–Папа отпустит Вашего зайца, какая тут проблема?!– завывала она.

Отец сгрёб её и спрятал за свою спину, его трясло от страха за дочь.

–Я бы отрубил тебе руку за воровство, но у тебя растёт милая и красивая дочь, не хочу, чтоб она голодала из-за твоей глупости... Расскажи всем, какой добряк граф де Эслуа... И зайца оставь себе,– с этими словами Роберт спрятал оружие.

Но затем несколько раз ударил крестьянина кулаком в живот. Гарлева от ужаса застыла.

–Это тебе за скверный язык,– разъярил сеньор скрючившемуся Шаррону.

Граф подозвал лошадь и ускакал.

Урсольд повалился наземь.

–Папочка, папочка...– запричитала девочка.

–Ничего, через страдания познаётся вкус жизни...– еле выговаривал слова отец,– Что граф спрашивал у тебя?

–Я испугала его лошадь, и он едва не зарубил меня...

–Ага, значит я вовремя.

–Нет, мы уже помирились...

–Кто знает, что на уме у таких извергов, как Роберт де Эслуа... Дочь, если я вдруг потеряю сознание, беги обратно

к Аутбольду. Дорогу помнишь?

–Нет, не помню. Я останусь с тобой.

–Гарлева, ложь – это первый шаг к грехопадению. Ты помнишь дорогу?

–Да,– девочка смякла и зарыдала,– Папа, ну позволь мне остаться возле тебя, я буду читать молитвы, и Бог поможет нам...

–А, если окажется, что Бога нет, или он не придёт на помощь? Зачем уповать на Всевышнего, не лучше ли попытаться исправить положение и сделаться ещё храбрее самим? Или ты хочешь, чтобы нас двоих, беззащитных, съели волки?

–Я приведу дядю Аутбольда, и он потащит тебя домой,– решительно заявила Гарлева, вытирая слёзы.

Урсольд застонал и попросил дочь:

–Да, малышка, лучше сейчас засветло беги к Аутбольду, я, кажется, сегодня сам идти не смогу. А у него есть лечебные отвары...

–Папа, граф бил тебя, а ты не сопротивлялся, потому что...мы – рабы?

–Да.

Это напоминание об иерархии положения бередило душу ребёнка, отнимало ощущение защищённости.

Девочка чмокнула отца в щёку и побежала обратно к домику дяди.

Погода портилась, поднялся ветерок, который стал сго-

нять тучи.

Темень всё же застигла её в пути. Сумерки навалились на лес внезапно, словно огромная пасть чудовища проглотила мир света.

Сквозь мрачную черноту ночи Гарлева пробиралась на ощупь. На небе не видно не мзги, всё небо заволокло тучами-невидимками. Лишь на восточной стороне небосвода одна тучка окаймлена золотым ободком, за ней спряталась молодая луна. Казалось, Бог темнотой закрыл глаза на земные дела. Но девочка упорно шагала, хоть и замирала от страха от каждого ночного шороха.

Она шептала:

–Бог со мной, со мной, с нами...

Вдруг прямо перед ней загорелись красные глаза хищника. Гарлева замерла.

В следующую минуту её лицо облизывал пёс Тиран.

–Собачка, веди меня к дяде.

Тиран громким лаем оповестил хозяина о приближении человека.

Во дворе замка суета и галдёж. Охотники под впечатлением обмениваются байками об удачных погонях за зверьём.

Граф подъехал к своим друзьям.

–Где Ваша добыча, сеньор?– поинтересовался Пазан Монтейский, поглаживая на седле несколько фазанов.

–Я встретил в лесу бедного крестьянина, у которого была

прелестная, смышлёная девочка, она меня рассмешила, вот я и отдал им свои охотничьи трофеи,— солгал Эслуа на счёт побед в улове зверей.

—Вы, граф, заигрываете с народом?— удивился Нерра.

Брезгливо и презрительно сморщившись, Роберт сказал:

—Я ненавижу эту толпу бедняков — скопище болванов, простаков и дикарей. Их мерзкая нужда и грязь, незнание прописных истин приводит меня в бешенство, мне омерзительно видеть их чумазные идиотские рожи с дурными нравами и звериными привычками. Но подачки иногда позволяю себе делать.

—Сеньор, в Фалез прискакал гонец из дальней деревни, что вблизи с графством Мен,— сообщил Эрлюин де Контевиль,— Он говорит, что вассал графа Герберта де Мена некий маркиз де Ют ограбил деревню Вашей Светлости, истребил нескольких крестьян, что не хотели отдавать урожай.

—Эта сволочь поплатится за нападение! Я тоже вырежу его крепостных, как скот!— рассвирепел граф, обращаясь к оруженосцу, он посоветовал,— Эрл, жестокости займи у смерти: мы идём в новый поход.

—Я вскорости захвачу земли де Мена, проучу его нападать на соседей,— пообещал Фульк Анжуйский.

Де Эслуа хоть и не любил простой люд, но в обиду своих крестьян давать не собирался.

К утру рыцари-вассалы графа Роберта были в седле.

Всадников обдал сильный, продувающий до души ветер. Сразу стих, но он принёс дождевые тучи. Лениво заморосил, накрапывая, мелкий, тягомотный дождичек.

Но дождь недолго подразнился и ушёл в сторону.

—А то без него в Ла-Манше воды мало,— сплюнул Роберт.

—Господин, глядите, вон, кажется, прево от короля пожаловал, уж я-то помню какая у него карета,— указал Монморанси на приближающуюся упряжь с вооружённой охраной.

Эслуа подождал, пока приблизится присланный от Капета чиновник.

Дородный исполнитель воли короля с пыхтением вылез из скрипучей кареты. Граф тоже спешил и ждал, что ему скажет сей учёный муж.

Королевский наместник представился и затем грозным выражением отчитывал самовольного феодала:

—Король возмущён Вашей вопиющей выходкой — захватом монастыря Сен-Дени.

—Пузан, это всё, что хотел сообщить мне родственник?— перебил посланца Роберт.

—Ищите более подобающие, благопристойные выражения! Я — посредник между королём и божьим судом!— резко осадил графа чиновник, указывая на его распущенный язык.

—Если бы Вы действительно были посредником бога, то Всемогущий понял бы мою ситуацию и простил ради справедливости.

—Богохульник!

Эслуа дал знак своим людям, и пронзённые тела охраны прево полетели на мокрую траву.

Эрлюин едва сдержался от тошноты. Он растерянно переводил взгляд с одного разрубленного всадника на другого.

—Вы непроходимо глупы,— ухмыльнулся Роберт, играя мечом возле лица толстяка.

—Да, я просчитался...Чтобы усмирить графа де Эслуа нужна не дружина, а целая армия!

—Сеньор, дайте ему дубиной промеж глаз, может, это исправит его физиономию!— подсказал со смехом Альвиз де Ивре.

—Ты слишком добр к гостю, Ивре, тут без тисков не обойтись!— хохотал Анжельжер де Мовбрей.

—Марионетки необузданных страстей!— вопил прево.

—Нет, ребята, мы не будем терять времени на исправление ошибок природы, мы просто вычеркнем его из рядов людей,— возразил друзьям граф и заколол посланника короля.

Мовбрей внимательно глядел на юного Контевиля, чьё лицо сильно побледнело.

Он сказал новенькому оруженосцу:

—Без сомненья, в любом из нашего окружения, подлости гораздо больше, нежели добродетели. С этим надо примириться. Исправить ничего невозможно: власть в руках сильных. И ты скоро привыкнешь к виду крови и расправ.

—Не думаю, что из меня получится хороший воин,— покачал головой Эрлюин.

—Тогда ты станешь всеобщим посмешищем,— пугал маркиз,— Только послушанием сеньору и отвагой в боях славен путь рыцаря.

—Чрезмерное послушание ещё не преданность,— заступился за юнца Эслуа,— Кто стоит за дружбу горой, вот, того уже не сломает ни враг, ни бабьи слёзы!

—Сеньор, женщин Вы определяете в стан врагов?— усмехнулся Люзин.

—А какой от них прок? Хорошо, хоть умеют рожать,— всерьёз заявил граф.

Под скрежет крупных пластин чешуйчатых кольчуг путники продолжили поход. В основном кольчуги достигали колен, редко были короткими.

На второй день пути показалось одно из сёл, принадлежащее де Юту.

Граф де Эслуа дал команду к бою.

Рыцари спешно отвязывали от седла небольшие щиты, надевали всевозможные шлемы: у кого с рогами, у кого простой овал, украшенный узорами, у некоторых лицо закрывала железная маска.

Многие оруженосцы снимали с плеча лук, наконечники стрел в колчане почти у всех смазаны ядом.

Кое-кто прихватил ангон (двойной, боевой топор франков), кто-то взял с собой алебарды (длинное копьё с топором) и копья с зазубринами.

Маркиз де Мовбрей заправски играл с бердышом (топор с лезвием в виде полумесяца).

Вся дружина графа была вооружена спатами (обоюдоострыми мечами франков) и скарамасаксами (короткими мечами), а также у немногих уже появились новые, очень тяжёлые мечи с одним лезвием и приплюснутой верхушкой. Также у каждого рыцаря про запас было припасено пара кинжалов и ножей с изогнутым лезвием.

Местные жители, завидев вооружённый отряд, закричали, в панике заметались от дома к хлеву. Бабы и ребятишки бросились врассыпную кто куда.

Крестьяне-мужики хватали вилы и косы, собираясь дать отпор нападающим.

Небольшой отряд оруженосцев по приказу графа принялся убивать скот в поле.

Рыцари практически без потерь для себя расправились с малочисленными защитниками деревни.

Подожгли несколько хижин.

Воины поймали несколько убегающих, визжащих молоденьких девок-замарашек, и пленницы с забитым, испуганным взглядом понуро брели за мужчинами в хижину.

Эслуа, перешагивая через окровавленные трупы, вошёл след за вассалами в ту хибару, где его люди насильовали девушек. На пороге он обернулся и подозвал Эрлюина, что плёлся за ним. Этот оруженосец опять явно никого не убивал, а лишь смотрел на действие глазами поражённого проис-

ходящим подростка.

Среди полумрака белели крепкие ноги и налитые ягодичцы деревенских молодок. Несколько вассалов пыхтели среди наспех задранных юбок, получая наслаждение от интимных движений. Кто-то из девушек взирал на мужчин остекленевшим от шока взглядом, другие плакали, одна сжала зубы и закрыла глаза.

—Вам, девкам, представилась возможность сравнить простых мужланов и сеньоров в любви,— пошло пошутил Роберт.

Его поддержал одобрителный смешок воинов.

—Эрл, выбирай задницу по нраву,— окликнул оруженосца Люзин.

—Я... не хочу,— выдавил из себя парень, которому хотелось убежать и не видеть мерзости насилия.

—Наш Эрл брезгует пользоваться телами простолюдинок,— хохотнул Монморанси.

—Он боится замарать член об их грязные зады,— поддержал Жерме кто-то из толпы.

—Он слишком юн, чтоб интересоваться бабами,— вступился за парня Мовбрей.

—А, может, он импотент?— не унимался Ратгис Монморанси.

—Я берегу себя для будущей графини Контевиль,— насутился юноша и вышел из хижины.

Граф тем временем подошёл к одной ревущей особе, от-

стегнул меч. Вдруг девушка бросилась на Роберта, пытаясь укусить за шею. Но воин был быстрее, он ударом в лоб опрокинул её на спину. Вмиг заломил нахалке руки за спину. Та с негодованием плюнула ему в лицо.

–Всех убить. Не хватало ещё плодить незаконнорожденных ублюдков,– приказал Эслуа.

Он отбросил сопротивляющуюся девку и подвешивал меч на место.

–Есть ли в твоей душе хоть капля жалости? Или сострадание застряло в твоём горле, как кость?!– прокричала крестьянка.

Но граф, не оборачиваясь, вышел.

Его внимание привлёк Эрлюин, блюющий у ольхи.

–Ничего, мальчик, мы сделаем из тебя настоящего мужчину и воина,– пообещал Роберт.

–Простите меня,– зачем-то извинялся оруженосец.

–Через отвращение прошли многие, не переживай. Твой платок грязный, возьми мой.

Тут граф заметил, что пленённые девки убегают огородами в лес.

–Кто ослушался приказа?– вскричал он, вбегая в хибару.

–Я хотел помочь людям сохранить жизнь,– бормотал оправдания Монморанси.

–Значит тебя надо, как Прометей, подвесить за яйца и прибить к горе на Кавказе,– ругнулся Эслуа,– Ладно, моего семени в них нет, ты на первый раз прощён.

–Женщин-то стыдно убивать,– подпевал Ратгису Мовб-рей.

–На войне так: кто победит, тот и прав.

Отряд графа Нормандского ночевал в поле.

Роберт и Эрлюин мечтательно вглядывались в звёзды. Воины переговаривались полущёпотом, чтоб не мешать отдыхать сеньору.

–Эрл, в следующий раз попробуй заниматься сексом в полной темноте. В лунном свете ваятель красоты сочтется через мрак, мягко чертя оттенки и растворяя искажения и неприглядности, видимые днём. Пока не развеется темнота улетающей стремглав ночи, мы будем во власти призрачных, смутных догадок, очарованы загадочной недомолвленностью... И потом, ночью не так стыдно...

–Сейчас я удивляюсь: как поэт и воин уживаются в одной душе?

–Неестественно быть всегда злым.

Контевиль перевернулся на бок и заметил, что рубин выпал из оправы ножен меча Роберта. Парень взял драгоценность в руки, от зарева костра камень, казалось, источает из себя кровь.

–Не к лицу благородному рыцарю мелкое стяжательство,– голос графа, как ковш ледяной воды, вернул юношу на землю.

–Я не собирался воровать этот камень. Я просто залюбо-

вался игрой света внутри минерала.

Эслуа мог убить за любую провинность, Эрл замер, рубин так и остался лежать в его руке. Граф хмурился, его рука играла с золотой рукояткой меча.

—Оставь безделицу себе, раз она тебя так впечатляет,—махнул рукой Роберт.

Жестокий воин полюбил этого парня за искренность. Конечно, воровской выходки честный Контевиль бы не осмелился совершить, только безмерная любовь к искусству захватила недотёпу, а Роберт и сам ценил красоту.

Отец давно поправился, и Гарлеву больше занимал зайчик. Зверёк сидел в корзине, испуганно прижав уши. Девочка любовалась им. Насовала ему под нос ботвы от свеклы и моркови, но пушистик не ел. Гарлева догадалась сложить ладонь пригоршней вниз и хрустеть двумя пальцами, перетирая сочную зелень. Видимо зверёк принял ладонь за своего брата, и кинулся с жадностью на еду. Урсольд подивился смекалки дочери. А она продолжала подолгу сидеть возле зайчика, задумчиво глядя на пушистый, живой комочек.

Но однажды утром Гарлева застала Вульфгунду с зайцем в руках. Животное поймано за уши, вытянулось и недоумённо с испугом глядело на хозяйку.

—Что ты с ним делаешь, тварь?!— завопила младшая сестра.

—Хочу потушить твоего зайца с его любимой капустой.

Заяц смешно перебирал передними лапками, будто пытался сбежать.

В порыве злости младшая схватила со стола скалку и швырнула её в лицо Вульфгунды. Та выпустила зайца, с криком хватаясь за бровь.

Отец, вошедший с дровами, уронил поленья и бросился утешать старшую дочь, которую из его рук забрала мать, прижимая к себе.

Шаррон схватил Гарлеву за плечи и встряхнул.

–Зверёныш! Ты что творишь? Разве можно причинять ближнему вред? Будешь себя так вести – выйдешь замуж за волка,– пугал родитель.

–Она выйдет замуж за дьявола!– со слезами кричала старшая сестра.

Иохим поймал зайца в углу, и знаками подзывал Гарлеву к себе.

Та надела свой тулуп, взяла зверька из рук брата и вышла на улицу.

Лес начинался сразу за огородом. Девочка дошла до деревьев, поцеловала зайчишку и отпустила.

Ночью, думая, что дети уснули, родители тихо переговаривались. Гарлева боялась шелохнуться, чтоб расслышать тайные разговоры взрослых.

Урсольд со вздохом произнёс:

–Быть красивой – значит сеять зло.

–Не понимаю смысла. Разве не умиляемся мы, любуясь

прекрасными чертами дочери?

–Под воздействием её обаяния, мы прощаем ей все проделки. Из-за красивых дам рыцари гибнут на турнирах...

–Так, то рыцари...

–А вспомни мою мать.

–Да, Урсо, она была редкостной красавицей, но и благодетельной и добрейшей.

–Что из того? Обезумев от любви, парни лишали себя жизни. Один спрыгнул с верхушки самого высокого дуба, другой зарезался.

–По всей видимости, эти загубленные души не давали ей счастливо жить, ох бедная...

Девочка с грустью подумала: «Конечно, хорошо быть красивой, но приносить людям страдания совсем не хочется... Но если удел красавиц мучить парней, значит так распорядился Бог».

Граф де Эслуа восседал в своём замке у камина в шёлковой тунике, он слушал отчёт управляющего о делах в городе. Оруженосцы Юланд де Равале и Эрлюин де Контевиль сидели на красивой, мраморной лавочке рядом, охраняя сеньора и скрашивая одиночество.

–Ваше Сиятельство, с земель в городе я собрал у городских крестьян из Фалеза оброк и поземельный налог, жители заплатили ценз за право проживать здесь. Купцы, как всегда, вовремя внесли пошлины и рыночные пошлины. Вот опись

судейских штрафов куриями. В этом сундучке все сборы в нормандских и каролингских серебряных денариях, имеются и золотые римские солиды, сюда вошли также поборы с крестьян за пользование водяными мельницами, виноградными прессами и плавильными печами.

—Хорошо, что мой отец ввёл монополию на мельницы, прессы и печи, до этого вся эта техника была общинной и использовалась крестьянами бесплатно. Теперь же я взимаю ренту (доход в процентах) и с этих нужных механизмов.

—Шеваж (поголовное обложение налогом) ещё собирают, сумма незначительная, но пока посыльные объедут все деревни и города...

—Да, фьеф (феод) у меня большой.

Управляющий согласно закивал. При этом его седеющая борода смешно заскользила по парчовой тунике.

—Мюссе, расширь посевы бобовых на моей земле, эти культуры быстро насыщают желудок. Закупи, пока к весне не подорожали, у восточных купцов разные сорта капусты, моркови и свеклы, они неплохо вносят разнообразие в еду.

—Как скажите, господин.

—Посади несколько рощ ореховых и плодовых деревьев, будем вывозить на продажу по Сене в Корнуолл и Уэльс.

—Слушаюсь, Ваше Сиятельство.

—По личным делам кто-нибудь пришёл?

—Только сброд.

—Крестьяне?

–Да, сеньор.

–Зови пришедших.

Первый крестьянин, молодой парень, принёс формарьяж (брачный побор с лица, который брал в брак человека не подчинённого данному сеньору).

–Своих девок в деревне мало что ли?.. Охота тебе лишний побор платить... – пожал плечами Роберт.

–Ваше Сиятельство, гостил у брата, а будущая суженая так запала мне в сердце, что аппетит пропал.

–Колдунья, наверное...

Второй крестьянин, совсем юный, лет шестнадцати, принёс грамоту, в которой просил записать его в крепостные, ведь, тот, кто брал в жёны рабыню, сам становился тем же сословием.

Граф с презрением и удивлением читал вслух:

–Послушайте, что пишет этот болван: «Я, Варсинд, прошу дать Высочайшее соизволение жениться на крепостной Рихильде, что проживает в деревне Липовой. Я меняю свою свободу на жизнь в браке с Рихильдой». Ты, что, парень, заболел? Добровольно хочешь стать рабом?

–Да. Меня влечёт великая любовь,– с возвышенностью подтвердил Варсинд.

–Великая?– насмешливо переспросил Роберт,– Скорее – глупая. Я не даю своего соизволения на брак с моей крепостной.

–Сжальтесь,– упал на колени влюблённый.

–Разве я не ясно сказал? Нет!– гремел голос графа.

–В Вас нет ни капли сострадания и любви!– обвинял сеньора обиженный крестьянин.

–Люби? Как я успел заметить: это лишнее чувство, оно мешает здраво мыслить. Вот ты, например, вгоняешь себя и будущих детей в рабство.

–Моё сердце неусыпно взывает к предмету обожания. Моя душа сладостно трепещет, когда я умильно думаю о ней...

–Может, тебе добавить оброков, чтоб ты перестал умиляться?

–Господин, да разрешите ему жениться на этой Рихильде,– вступился за парня Юланд.

–Равале, ты – романтический придурок, тебя, наверное, воспитывали одни женщины и трубадуры.

–Простите, Ваше Сиятельство,– пробубнил извинения оруженосец.

Варсинд поклонился сеньору, скрипя зубами, и пошёл по направлению к выходу.

У дверей он обернулся и пытался усювестить сильного мира сего:

–Все мы дети Божьи, и потешаться друг над другом – непростительный грех, ибо над чем кто надсмехается, к тому же и привяжется.

–Убирайся, рвань! Я не дам своего соизволения на этот дикий брак!– прикрикнул граф, потом со смехом говорил

друзьям,— Ага, размечтался, чтоб я, великий потомок королей викингов и франков, и вдруг полюбил крестьянку... ха-ха-ха... ту, с которой могу в любой момент без всякой свадьбы стащить юбку!

Оруженосцы жалели крестьянского паренька, прятали огорчённые взгляды от господина.

Мюссе же, желая угодить сеньору, хохотал во весь голос.

Опустилось снежными облаками зимнее, серое небо над севером Франции. Не каждый год детей баловала зима снегом. Поэтому с появлением белых насыпей на земле, детвора высыпала из домов. Искристые снежинки целовали беспорядочно всех то в губы, то в нос...

Волшебник-дедушка Пьер Ноэль приходил в день святого Николая с подарками для послушных детей, которые оставлял в чулочках или башмаках. А плохим детишкам чародей приносил розги.

И вот заветный день наступил. Гарлева вскочила с деревянной кровати раньше всех. С радостным трепетом, в ожидании чуда, девчурка запустила руку в длинный носок и нащупала что-то круглое. «Волшебный камень»,— рисовало воображение.

Извлекла подарок на свет... и увидела в руке яйцо!

Вот и братья подскочили к печи, вытряхивали из носков на стол свои подарки. Комната наполнилась стуком орехов.

—Мама, а Пьер Ноэль богатым детям тоже дарит яйца и

орешки?— поинтересовалась Гарлева у матери, что растапливала печь.

—Нет,— с вздохом отвечала женщина.— Богатые дети получают красивых кукол и вкусные фрукты.

—Какой несправедливый, злой Пьер Ноэль, заискивающий перед богатыми!

От обиды у девочки выступили слёзы.

—Почему все стараются нас обидеть? Даже Пьер Ноэль!— возмущалось дитя.

Яйцо она положила на стол и побрела к своим куклам, но их не было на месте!

Гарлева подскочила к спящей сестре и вцепилась ей в волосы.

—Ты, дрянь, украла моих кукол!— с плачем обвиняла она Вульфгунду.

Та наморщилась от боли, не отвечала, но её чёрные глазки испуганно бегали.

Иохим подал голос от стола, где разбивал молотком орехи:

—Я видел, как Вульфгунда сожгла твоего сеньора Орна на маленьком костре, а остальных бросила в реку.

—Почему ты не отнял кукол у этой гадины?— удивлённо переспросила младшая сестра.

—Я увидел, как горит твой сеньор Орн, но завидев меня, Вульфгунда бросилась наутёк, я бежал за ней до самой реки... Но не прыгну же я в ледяную воду...

Девочка заревела, ослабив хватку, старшая сестра этим

воспользовалась, она соскочила с кровати и спряталась за спину матери, вереща:

–Уберите от меня эту ненормальную, а то она меня убьёт!

–Я вырежу тебе из дерева новых человечков,– обещал Иохим, которому было жаль сестру.

Он бросил свои орехи, взял на руки малышку и прижал к себе, успокаивая.

–Гарлева, иди сюда, мы дадим тебе орехов,– зазывал Люсьен,– А летом я сам помогу тебе лепить человечков. У тебя будет целая армия!

–Но сеньора Орна со свитой не вернуть,– заревела громче девочка.

–А вот что Пьер Ноэль оставил нашей Вульфгунде,– с этими словами отец взял с поленницы палку и ошутимо ударил негодную девчонку по мягкому месту.

Та в голос заревела.

Младшая сестра выкрикнула плутовке в лицо:

–Когда ты вырастишь, то, как мужчина, найдёшь работу по душе: ты будешь палачом!

–Все за стол!– приказал Шаррон-старший,– У матери поспел праздничный пирог. Вкусный, свежий хлеб – король обеда!

Через несколько дней Гарлева слегла с жаром, её лихорадило.

Отец заваривал травы, сам поил любимую дочь.

Затем заболел Арно, Вульфгунда и мать. Во многих домах

странная болезнь свалила с ног тех, кто был послабже.

Арно однажды утром не проснулся. Мать так переживала, что вся почернела, ничего не ела, и тоже ушла вслед за любимчиком.

После похорон Урсольд обнимал выздоравливающих дочерей и плакал, причитая:

–Слава Богу, вы, мои крошки, остались со мной.

С тех пор Вульфгунда и маленькая Гарлева по очереди варили на большую семью и убирали в доме, а по вечерам вязали из шерсти тёплые вещи.

Апрель 1.026 года.

Урсольд заметно постарел, он не женился – боялся, что мачеха будет обижать его любимых деток.

Иохим был всё тем же молчаливым добряком, много работал, копил деньги, чтоб жениться и построить свой дом.

Люсьен мечтал о дальних странах, про которые читал в книжках отца, и однажды сбежал из дома, оставив записку, что наймётся в Руане на корабль матросом. Затем старейшина сообщил, будто видел Люсьена, как тот отплыл на корабле, который отправился к далёким берегам Испании.

Вульфгунда вышла замуж за крестьянина из их деревни по имени Симон. Тот много пил и бил молодую жену. Детей у них не было.

Когда Вульфгунда гостила в доме отца, тот утешал её:

–Я понимаю, дорогая, молодым хочется всё и сразу...по-

дожди немножко, накопите денег, купите плодородные земли...и дети обязательно появятся.

Гарлева не помнила зла, ей хотелось обнять сестру, пожалеть, но её останавливал холодный, равнодушный взгляд Вульфгунды. В ней не говорил голос крови, она всегда завидовала хорошенькой сестричке.

Младшей дочери Шаррон не уставал намекать, что шестнадцать лет для девушки – это уже верхний предел для девичества, пора ей порадовать отца кучей внуков. На что хитрюга отвечала: «Папочка, ну хоть ещё месяц повыбираю женишка...»

Как-то обыденность дней сменилась на настоящий праздник. Приехали бродячие актёры.

Вся деревня от мала до стара сбежалась на представление.

Гарлеву, как любимицу деревни сразу пропустили в первые ряды. Её распалённое воображение и ощущение чудесного заставили смолкнуть рёв публики, пронзительный визг Вульфгунды и отборнейшую брань стоящих рядом мальчишек. Разыгравшаяся фантазия заменила циркачам пошарканную одежду на новую, украшенную самоцветами, которые переливались всеми цветами, вспыхивая ежеминутно повсеместно по всему одеянию.

Акробаты, гимнасты, фокусница и укротитель огня показывали своё искусство. Затем народ удивлял укротитель огня. Выступали борцы.

Фантазия девушки изображает взрывающиеся краской за-

мысловатые, искрящиеся звёзды, что обсыпают искрами выступающих артистов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.